

Мало кто рассчитывал после 1982 года, когда популярная актриса Елена Коренева, выйдя замуж за американского гражданина, уехала в США, что она будет еще сниматься на родине. Но — всюду идут на «Мосфильме» съемки «Комедии о Лисистрате» (режиссер В. Рубинчик) с Кореновой в главной роли. Хорошая возможность поговорить. О чем? Хотя бы о различии взглядов русского и западного — на миссию и творчество художника. На Западе, в отличие от нас, никто не считает, что «художник должен быть голодным» и творить, не смотря ни на что.

— Елена, а каким же должен быть художник с «их» точки зрения?

— Каждый человек должен «делать деньги», чтобы прожить; делать их сам. На Западе ребенок должен довольно рано начать зарабатывать, независимо от того, какое у него происхождение и каковы капиталы родителей. Это дело чести — встать на ноги самостоятельно. Очень многие студенты колледжей параллельно с учебной работой, чтобы оплатить свое обучение. Если говорить об актерах, то они довольно часто работают в ресторанах, в сфере обслуживания.

— Я представляю, если бы, например, Калегин или Смоктуновский работали официантами...

— Да-да, очень смешно! Кстати, я последние полгода работала официанткой в русском ресторане «Самовар» на Бродвее. Это был для меня забавный эксперимент, хотя для нормального американца он типичен. В ресторан приходили некоторые русские творческие деятели, например, Михаил Роштин, Шатров. И когда я им подавала еду на стол в костюме с бабочкой, то это было смешно. По выражению их лиц мне было понятно, насколько человек психологически гибок, обладает ли чувством юмора. Некоторые были в шоке, а кто-то нормально реагировал.

— Материально помочь вам не пытались?

— Нет. В Америке почасовая оплата работы официантов мизерная, но они зарабатывают хорошие деньги за счет чаевых. Ресторанная жизнь в Нью-Йорке и вообще в Америке — это такое полусветское существование. Для того, чтобы работать официанткой, надо обладать определенной выдержкой, обаянием, сноровкой, понимать, что такое хороший тон, владеть языком.

— А вы владели языком?

— Я окончила английскую спецшколу. Но, как выяснилось, язык, который у нас преподают, это английско-британский, а не американский английский, построенный, в основном, на сленге. Телевидение и печать употребляют этот жаргонный, уличный язык. Поэтому когда я приехала в 1982 году в Америку, то пошла на курсы улучшения языка. Мой муж — славист, и в тех университетах, где он преподавал, я брала разные курсы. Хотелось отойти и

от московской жизни, и от прежней профессии.

Слушала лекции по философии, по психоанализу, изучала Юнга. Это мне помогло в какой-то степени ощутить себя с американцами на равных. Эмигранты ведь держатся друг от друга. С трудом идут на контакт со средой. У меня такой проблемы не было.

— Меняются ли ваши взгляды на актерское дело?

— Первое время, узнавая, что я — русская и актриса, меня постоянно просили дать интервью на тему «система Станиславского». Говоря откровенно, я в свое время не прочла достаточно внимательно Станиславского, несмотря на то, что окончила театральное училище. В моей актерской практике эта система подсознательно присутствовала, но я не знала, о чем говорить... Когда я ушла из театра и уехала, я сознательно ушла от актерской деятельности, не потому, что безумно хотела стать «женой». Я устала от того, что я делаю, и мне нужно было остановиться. И когда в Нью-Йорке похотела в «Школу актерского движения» — студию психологического тренинга, то внутренне раскрепостилась. Если бы я занялась этим в тот момент, когда испытывала творческий кризис, то, может быть, пережила его более гладко и не бросала бы актерскую деятельность. Я очень много в свое время работала, видимо, неверно. Любая эмоция — это волна энергии, которая влияет на твоё сознание, она проходит через тебя, ты ее аккумулируешь. Я не владела медитацией — состоянием, находясь в котором, ты освобождаешь себя от всяких суетных мыслей.

Мне, наверное, был необходим учитель, который помог бы справиться с эмоциями, которые во мне «застревали» и становились моими качествами. Отчасти это происходило от неверной ориентации, которая изначально заложена в каждого нашего художника.

— «Приди и умри на сцене?»

— Да, приди и умри на сцене. В этом же духе меня воспитывали и родители. Нас приучают к сознанию необходимости жертвовать «во имя». Пусть ты умрешь в сорок лет, в тридцать три: чем раньше, тем талантливее ты был. Чем тебе хуже — тем лучше для твоего

творения. Думаю, связь своего человеческого «я» со своей профессией — живая связь. Если ты получаешь удовольствие от своего дела, это прекрасно, но нельзя доводить увлечение профессией или каким-то делом до болезни. Ты должен отдавать и получать, если это для тебя удовольствие — замечательно.

— Вход в «ту» жизнь не был тяжелым для вас?

— И да, и нет. Мне помог мой брак. Я не была гонимой эмигранткой, без знания языка, не была брошена в среду, в которой адаптируйся, как хочешь. У меня не было культурного шока, о котором все говорили. Меня совершенно не интересовали магазины, в гастрономах я не падала в обморок — как, на удивление мне, многие советские падают. Но, с другой стороны, был шок привыкания. Период адаптации обычно тянется очень долго. Мои знакомые говорили, что люди, приехавшие из Союза, лишь по истечении десяти лет почувствовали себя американцами.

У меня были свои сложности. После отъезда мне не дава-

Творческие встречи

трудно оценивать здешнюю жизнь объективно. Я не стою в очередях, у меня нет ребенка, я не думаю о том, как его одеть, накормить, заплатить за его образование. Нет проблем, которые есть у многих, живущих в Советском Союзе, тем более в Москве. Что происходит в провинции, как там живут люди, я не знаю, но слышала всякое, мне их жаль.

— Что вас удивляло в Америке?

— К чему мы совершенно не привыкли, так это к сексуальной пропаганде. Я далеко не ханжа, но все равно оторопь берет. Хотя, должна сказать, мы в разговорах о сексе циничнее и грязнее. Русскому человеку было бы очень трудно общаться с американцами. Для нас норма общения — откровенность. Там же она считается просто плохим тоном, жаловаться неприлично. Это очень воспитывает волю и уважение к

— Вы занимались в Америке своей профессией?

— Два года назад, в Аспине, я на английском языке сыграла Соню в чеховском «Дяде Ване». Спектакль поставил бывший актер театра «Современник» Лев Вайнштейн. Труппа была полупрофессиональная: это нормально для Америки. Там огромное количество разнообразных студий, где даже мать восьмерых детей в сорок лет может встать на пуанты.

Мне хотелось понять, могу ли я играть на другом языке и что при этом меняется. Мы отыграли 25 спектаклей, публика была смешанная: и простые фермеры, и профессионалы театра. Зал реагировал, как и везде, если играть хорошо. Я поняла, что в актерской игре даже на другом языке ничего не меняется, тем более в спек-

Сов. фильм. — 1989. (130)

«Я не была гонимой эмигранткой»

ли права на въезд. Это было нарушение закона, ведь я — советская гражданка, вышедшая замуж. Мне не препятствовали оформить брак, я получила визу на выезд на место жительства мужа, в Америку. Спустя месяцев девять моя мама через ОВИР стала приглашать меня в гости. Ей отказали — под предлогом, что не прошел еще год, как я живу в Америке. Это был первый отказ. А после отказа человек имеет право апеллировать лишь через полгода. Ровно через шесть месяцев мама попыталась меня пригласить еще раз, ей опять отказали. В течение трех с половиной лет, с конца 1982 по 1986 г., я получила девять отказов. Раз решение пришло, когда полгода у власти был Горбачев. Я по-прежнему стала оценивать и бюрократию, и что такое гонимый человек, эмигрант. Я им не была, но на какой-то период стала.

Увидела другую сторону медали, множество трагедий. Люди не могли соединиться, если жили в разных странах. Это бесчеловечно. Было приятно наблюдать, как люди, уже верящие, что могут приехать в Ленинград или в Москву, получили эту возможность.

— Главное ощущение от происходящих у нас перемен?

— Все стало гораздо либеральнее. Я рада за театры, за деятелей культуры, что можно ставить Набокова, печатать противоречивые взгляды на политику и историю. Но так и должно быть! Мир цивилизованный давно уже это понял... Мне

партнеру. Тебе должны позволить открыть свою душу. Это очень деликатный момент. Мы же себя разбазариваем, любим загадку, неясность, сложность. Недаром американцы говорят, что так, как лгут русские, не лжет никто. Мы не можем без излишнего надрыва — и живем в основном чувствами. Личность американца более сбалансирована, он ориентирован на разум, стремится к ясности, и в общении с ними есть гарантия. И чтобы перейти на «ты», надо осознать сначала свое «я».

также своего, русского репертуара.

Я получила хорошие отзывы на свой дебют, но не это было главным. Главное — я преодолела внутреннюю неуверенность. Люди, которые со мной работали, очень меня поощряли. Американцы — позитивисты. Они рассматривают все с позитивной точки зрения. У них нет ориентации на боль прошлого. Если очень хорошо — то все возможно.

Беседу вела
Т. КОНОНОВА
(СКИФ, № 5).

Фото А. ГРИШИНА.

Лисистрата (справа)

Е. Коренева.